lingvokulturologii: monogr. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 2013.

6. Istorija leksiki russkogo literaturnogo jazyka konca XVII – nachala XIX veka / pod red. F.P. Filina. M.: Nauka, 1981.

7. Plaksin V.N. Istorija agronomii v Chernozemnom Centre Rossii. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe kn. izd-vo, 2001.

8. Polnaja jenciklopedija russkogo sel'skogo hozjajstva i soprikasajushihhsja s nim nauk: v 12 t. SPb.: Izd-vo A. F. Devriena, 1900–1912. T. 1–12.

9. Prohorova V.N. Russkaja terminologija (leksiko-semanticheskoe obrazovanie). M., 1996.

10. Sel'skohozjajstvennyj jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V.K. Mesjac. M.: Sov. jencikl., 1989.

11. Slovar' Akademii Rossijskoj, proizvodnym porjadkom raspolozhenyj. SPb., 1789–1794. Ch. 1–6.

12. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: Nauka, 1975–2008. Vyp. 1–28.

13. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka / In-t lingvisticheskikh issledovanij RAN. L.: Nauka, 1984–2007. Vyp. 1–17.

14. Sorokin Ju.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka. 30–90-e gody XIX veka. M.; L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1965.

15. Tezaurus ASNTIsel'hoz / pod obshh. red. Z.V. Lebedevoj. M., 1990.

Changes in the semantic structure of Russian words of agricultural theme in the periods of establishment of agronomy as a science (XVIII–XIX centuries)

The article deals with one of the most important directions of development of the Russian agricultural terminology – changes in contents of word marks related to agrarian subjects, which in the period of establishment of agronomy as a science (XVIII–XIX centuries) were associated with the following processes: appearance of semantic neologisms of verbal units of the agricultural sphere, narrowing the semantic structure of the studied lexemes, gaining some special agricultural meaning in the national language, etc. The semantic transformations in the agricultural vocabulary of the Russian language during the establishment of agriculture took place under the influence of some extralinguistic factors.

Key words: *agronomy, agricultural terminology, agricultural sphere, semantic structure of a word.*

(Статья поступила в редакцию 17.10.2017)

О.А. ШЕПЕЛЕВА
(Донецк)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЕ СВОЙСТВО СУБЪЕКТА В ПРИМЕТАХ, СУЕВЕРИЯХ, ПОВЕРЬЯХ ВЕРХНЕГО ДОНА (по материалам международных фольклорно-этнографических экспедиций ДонНУ на Верхний Дон*)

Актуализация примет, суеверий, поверий Верхнего Дона связана с категорией субъектности как текстообразующей и текстоорганизующей. Рассматривается различное проявление субъекта в текстах (субъект действия / объект наблюдения и рассказчик). Особое внимание уделено дифференцирующему свойству категории субъектности.

Ключевые слова: *субъект, примета, суеверие, поверье, Верхний Дон.*

Понятия «примета», «суеверие», «поверье» пересекаются как в речевой практике информантов, так и в фольклористике. Сейчас существует необходимость в выработке критериев для различения этих текстов. Одним из основных дифференцирующих признаков может стать категория субъектности.

Круг проблем, связанных с субъектом, является одним из ключевых в гуманитарном знании**. В литературоведении термин *субъект* и его производные (*лирический субъект, субъектная организация художественного текста, субъект речи / сознания / переживания / творчества* и др.) активно используются, получив научную разработку в трудах М.М. Бах-

* Международная студенческая фольклорно-этнографическая экспедиция на Верхний Дон под руководством П.Т. Тимофеева, канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы и теории словесности филологического факультета Донского национального университета, работала в 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2016 гг.

** Являясь изначально термином логики, понятие «субъект» («логический субъект») обозначало часть предложения, соответствующую субъекту суждения. В дальнейшем понятие «субъект» получило такие разновидности: грамматический субъект (подлежащее), коммуникативный субъект (тема сообщения), психологический субъект (исходное представление), логический субъект (часть предложения, соответствующая субъекту суждения), семантический субъект (относится к содержанию предложения (агенса, противопоставленный пациенсу – объекту действия; носитель признака или состояния трактуется по-разному – то как семантический субъект, то как семантический объект» [1, с. 497–498]).

тина, Б.О. Кормана, Л.Я. Гинзбург, Л.И. Тимофеева.

В отечественной фольклористике понятие «субъект» до конца XX в. практически не употреблялось. Предпочтительными были понятия «персонаж», «герой» (о лице, существующем и действующем в произведении), «исполнитель», «рассказчик» (о носителе традиционного знания), «коллектив», «народ» (о локальном или национальном сообществе). В программной статье 1971 г. «Фольклор как особая форма творчества» П.Г. Богатырев и Р.О. Якобсон обращаются к понятию «субъект» («субъект коллективного творчества»), указывая на ошибочное представление о создателе фольклора как неделимой коллективной личности [3].

В 90-х гг. XX в. С.Е. Никитина рассматривает языковой коллектив как «субъект, творящий свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты» [9, с. 12]. П.П. Черфинский тоже говорит о субъекте традиции как коллективе <его носители> и выделяет две стороны: «то, что вне его, как установленная догма, мифологическое знание, традиция социального сознания, и то, что в нем самом, как предписываемое поведение, система норм взаимодействий в коллективе и за пределами, в его ритуализованном, регламентированном сношении с миром» [13, с. 50, 51].

М.А. Кулькова отмечает бессубъектность народной приметы наряду с безадресатностью и клишированностью. Речь идет о том, что «в ходе формирования дискурсивного пространства народной приметы происходит “рассеивание” образа автора паремнологического высказывания на все этнокультурное общество, что позволяет говорить о коллективном авторстве приметы, о выражении национального характера в языковом оформлении дескриптивных, прескриптивных и оценочных паремий» [7, с. 8].

В исследованиях последних лет прослеживается обращение к субъекту и на уровне содержания фольклорного произведения. В.А. Черванева выделяет такие типы субъекта: субъект действия (тот, кто выполняет действие), субъект зрительного / акустического восприятия (тот, кто использует способность зрительного восприятия в описываемой ситуации), нулевой субъект (в безличных конструкциях), обобщенный субъект (люди вообще). Е.Е. Левкиевская пишет, что отдельный мифологический элемент – способность пугать, морочить человека, внезапно появляться в виде какого-либо образа – может проявляться в раз-

ных традициях по-разному. Указанное представление – это «мифологическое существо, не очень ясный, но все же субъект, производящий конкретное действие»; в других случаях – это «безличная сила, не имеющая персонафицированного субъекта действия» [8, с. 231]. И далее: существует двойственность осмысления этого представления носителями – «это и некий субъект, пугающий людей, и функция “пугать, страшить человека”, в ее чистом виде, лишённом агенса...» [Там же, 232].

Своеобразие примет, суеверий, поверий заключается в их связи с говорящим / слушающим как носителем традиционного знания (часто рассказываемый текст строится на основе личного опыта) и свойстве влиять на состояние и поведение людей (информационный прогноз в примете, характеристика демонологического персонажа в поверье, моделирующее поведение содержание суеверия). На материале текстов, записанных на Верхнем Дону в экспедициях с 2001 по 2014 г., мы выделили такие типы субъектов*: находящийся в тексте субъект действия, говорящий (исполнитель / рассказчик) и слушающий, адресат.

Приметы – это *примечания, закономерности / зависимости, признаки, прогнозы* на основе наблюдений за природными явлениями, животными, растениями и пр.: *Если много снега падает, значит лето будет засушливым* (И.Д. Клягин, х. Терновской, 2006. – МЭ). В примете прогностическая функция является доминирующей, тексты примет содержат обусловленную связь предметов и явлений. Е.Е. Завьялова говорит, что приметы – это «малый фольклорный жанр, раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями» [5, с. 188]. Там же, ссылаясь на С.А. Токарева, который отмечает, что человек в примете не действует, а наблюдает, Завьялова выделяет важнейший признак примет – отсутствие воздействия наблюдающего на объект наблюдения.

Примеченная апробированная связь поведения участника или участников обряда и

* Во время работы мы также учли достижения коммуникативной грамматики русского языка и выделяемые ею виды субъектов. «Соотношение субъекта сообщаемого факта (диктума) и субъекта факта сообщения (модуса) и вербализация их в конкретном высказывании позволяет выстроить субъектную перспективу высказывания, «прочертить» ось между Он субъекта исходной модели и Я говорящего. На этой оси выделяются субъектные зоны: S1 (субъекта неосложненной модели), S2 (субъекта-каузатора), S3 (субъекта-авторизатора), S4 (субъекта говорящего, автора данного высказывания), S5 (адресата высказывания, субъекта слушающего)» [6, с. 231].

предвестия часто облекается в форму приметы, становясь устойчивым высказыванием как на логическом, так и на формальном (выразительном) уровне. В этих текстах отражены ситуации, когда причинно-следственная закономерность не зависит от действий человека и его воли, человек становится пассивным участником знаковой ситуации приметы: <посад> ...*в два года абычнава казака, рибёнка, сажали на каня и вадили кругом двара. Если удержица в сидле – значит, жить долга будит, если ни удержица – значит, пагибнит на вайне* (А.А. Блинков, х. Филин, 2007. – МЭ); <на свадьбе> *ни сматри в акно, пака ни накажуца сваты. Как накажуца сваты, пасмотришь – если ты затрусишься, значит, выходишь за ниво замуш. Точна, он – твая судьба* (А.И. Черноиванова, х. Наполовский, 2010. – Тимофеев. МЭ, 137). Предзнаменование осуществляется посредством наблюдения за поведением человека. В перечисленных случаях окружающие вместе с участником обрядового действия наблюдают и толкуют поведение / состояние / произвольные действия последнего наравне с природными явлениями, поведением животных, птиц и пр. В тексте о крестинах наблюдение основывается на том, что происходит с остриженными волосами ребенка (потонут они в воде или нет).

Выделяются тексты, отражающие знаковое состояние: *Нага если начнёт свадить – эта, точна, доишь будит* (Пузанов, х. Гороховский, 2006. – МЭ); *На пагоду – эта суставы ломит... Раньши же апридияли. Па сваиму арганизму* (Н.А. Титова, х. Нестеровский, 2011. – Тимофеев. МЭ, 94); *Ну, на пагоду што... на пагоду... у каво как ноги заламили – значит, ветир буить, нипагода...* (Н.А. Титова, х. Нестеровский, 2013. – МЭ). В момент возникновения физиологических ощущений, которые имеют прогностическое толкование в народной традиции, человек не является участником действия, он – свидетель и одновременно «носитель». Такое прогностическое состояние организма человека сродни предчувствиям (индивидуальным приметам), которые возникают внезапно, имеют разную продолжительность действия (несколько секунд, часов, дней, месяцев и пр.) и часто пугают человека своим прогнозом: *...щас серце вынасилась, как какое-ть валнение в серце, так думаишь: «Ну, фсё! Чей-ть слу-...».* Точна (А.А. Ковалева, х. Дударевский, 2013. – МЭ); *Проста на серцэ камень какой-та ляжить... <...> От, шили, случилась какой-та нидамаганийе, какой-та вот такойе, нидама-*

ганийе или Бох знать чё эта... (Е.Г. Мельникова, х. Нижнекривской, 2013. – МЭ).

В рукописном сборнике К.П. Дуваловой «Народные приметы, суеверия и снотолкователь» (126 текстов), переснятом в х. Поклоновском в 2011 г., содержатся такие типы примет: что-то *чеиется* (13 текстов), *в ухе звенит* (1), «забыть» (1), «выронить» (1), *увидеть паука* (1). Все они иллюстрируют произвольные действия или состояния, как и: *кто родится в полнолуние – будет живуч и долговечен*.

Безвольное участие субъекта в примете мы видим и в случаях «нахождения» человека в определенное время в определенном месте. На Верхнем Дону распространено представление о том, как женщина переходит дорогу с пустым ведром, и это сулит неудачу в делах (записи от А.Г. Ушаковой в 2001 г. из х. Крутовского, К.П. Дуваловой в 2011 г. из х. Поклоновского, С.Н. Ивановой в 2011 г. из х. Пимкинское; есть локальные варианты, связанные с демонологией, в которых дорогу переходит колдун и его жена). Для субъекта нет предписаний, но ему адресовано последствие. Он пассивный участник события, дорогу перешли ему, действие совершается над ним, без него ситуация перехода дороги не осуществится.

В ходе работы мы выявили, что предварительная подготовка объекта наблюдения субъектом не является волевым «воздействием», т.к. сам прогноз основывается на результате, который не зависит от человека. Такая ситуация с записями о том, как ставили на воду лук, чтобы узнать погоду: *были таки старики, 12 лукавиц в чашичке ставили, на дно, и вот сматрели, в каком месяцэ влаги больши, в каком – меньши, и апридияли, што в этом месяцэ будит засуха, а вот в этом месяцэ дажди будит. Вот так вот, такой баромитр был, у старикоф* (А.В. Агафонов, ст. Глазуновская, 2011. – МЭ). Таким образом, данный текст также следует интерпретировать как примету.

Волевое начало отличает суеверие как осознанное действие / бездействие с заранее известными последствиями от примет как факта, ситуации с известным прогнозом. В суеверии наблюдается «потенциальность», которая заключается в том, что любой носитель традиционного знания может стать субъектом действия.

Суеверие представляет собой обусловленную модель поведения (*нужно / нельзя; для чего / почему*), которая может реализоваться в виде развернутого рассказа о случившемся или иметь вид обобщения. Реализация этой схемы

потенциальным субъектом (носителем традиционного знания) является ситуацией по умолчанию, но его участие факультативно. На выбор влияет актуальность традиционного знания и связанная с ней модальность (императивность текста). Модальными разновидностями суеверия можно считать запреты, предписания, советы, правила и пр. Для суеверия характерно понятие *последствие* (ср. *прогноз* у приметы).

На Верхнем Дону распространены суеверия в обрядовой ситуации (запреты и предписания в свадебном, похоронном обрядовых комплексах, послеродовой обряд с шубой), необрядовой ситуации (бытовые, аграрные запреты и предписания, суеверия и обереги, взаимодействие с демонологическими персонажами), ритуализированных формах (вызывание дождя, переход в новый дом, апотропеические тексты и действия в контексте лечения и вредительства, реакция на сон в снолтовании).

С точки зрения вышеуказанных положений пласт текстов, традиционно относящихся к приметам, следует рассматривать как суеверия. И здесь вопрос не в формальной дифференциации, а в понимании текстов. Такова ситуация с аграрными суевериями, а не аграрными приметам: *Принясла майа падруга йей агурец. Ну, агурец, там, или два. Ана гаварить: «Горький!» Ана гаварить: «Эт ты сажала, наверна, или ф среду, или ф пятницу». Аказываица, агурцы ф среду, ф пятницу сажать низя – будут горькии. <...> Д.: И капусту нужна только в мушккии дни <сажать>, например. <...> Вторник, читверх... панидельник. Е.Г.: Ани как муцины. Д.: Среда – эта женский день. Пятница – женский (Е.Г. Мельникова, х. Нижнекривской, 2013. – МЭ). Здесь налицо потенциальность субъекта и действия. Есть модальность (возможность, необходимость совершения / несовершения действия), которая не характерна для приметы, т.к. императивные модальные оттенки возможны только для потенциальных действий (1-е л., ед. ч. – «я»), их не может быть у «наблюдаемого действия» (как в примете, где прогноз создает 3-е л., ед. или мн. ч. – «кто-то / что-то»).*

Действующее лицо* в поверье – это персонаж демонологических рассказов: ведьма,

колдун, домовый, покойник, а также представитель живой или неживой природы. Поверья воспринимаются и учитываются носителем наравне с приметам, как факт, но если в примете на основе факта представлен прогноз или толкование, то поверье «характеризует» персонажа. *Если ведьма падайдеь к карови или свежиму малаку, то ано скиснит, ни сразу, но быстрее, чем паложина. Ничистая душа патходит к чистаму прадукту* (Пузанов, х. Гороховский, 2006. – МЭ). Данный текст мы рассматриваем как поверье. Оно имеет форму причинно-следственной связи, которая является характеристикой ведьмы. В то же время текст содержит прагмасемантику защиты коровы от приближения ведьмы, чтобы та не портила молоко. ИмPLICITное суеверие способствует возможному появлению субъекта, цель которого – оградить скот от вредителя.

Проанализировав записи примет, суеверий и поверий, мы выявили, что в примете представители фауны и флоры, природные явления, иногда сам человек являются объектами наблюдения; в поверье персонажи демонологических рассказов, покойник представлены как действующие, взаимодействующие с человеком и изображенные, а в суеверии – человек («я» или «он») является субъектом действия. Проявление субъекта в этих текстах различно: в примете субъект наблюдает, сам становится объектом наблюдения (по состоянию организма, по своему поведению или по нахождению в определенной ситуации), в суеверии субъект действует или бездействует (суеверие содержит альтернативную модель выбора поведения / действия), в поверье возможны как наблюдение, так и взаимодействие с действующим лицом. Таким образом, субъект – это не просто одна из характеристик в рассматриваемых текстах, это текстообразующее и текстоорганизующее начало, которое напрямую влияет на поэтику, прагмасемантику и функционирование текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Субъект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003.
3. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
4. Виноградова Л.Н. Тексты народной культуры, наделенные интерпретирующей функцией (мо-

* Достижения философской и филологической мысли не позволяют нам назвать демонологического персонажа действующим субъектом, т.к. характеристики действия здесь недостаточны. Субъектом может быть только человек, наделенный сознанием и речью, обладающий словом и творчески его использующий. Так, в случае с демонологическими персонажами мы ограничимся понятием «действующее лицо».

тивировки ритуального поведения, толкования гаданий и снов, мифологическая трактовка знаковых событий) // Славянский альманах 2016. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2016. С. 307–321.

5. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2013. № 2. С. 187–193.

6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

7. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011.

8. Левкиевская Е.Е. Субъектные и предикативные формы наименования мифологического персонажа (на примере представлений о «страхах») // InUmbra. Демонология как семиотическая система. М.: Индрик, 2015. Вып. 4. С. 228–246.

9. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

10. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990.

11. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблема лингвистики фольклорного текста: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

12. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

13. Черфинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Репр. воспроизведение изд. 1989 г. Тернополь: Крок, 2011.

14. Черванева В.А. Как покойник «ходит»? Из наблюдений над лексикой физического восприятия в мифологическом тексте // InUmbra. Демонология как семиотическая система. М.: Индрик, 2014. Вып. 3. С. 315–339.

Список источников

Тимофеев. МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.): моногр. / под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк, 2013.

МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон по теме «Суеверия и приметы». Донецк: ДонНУ, 2017.

* * *

1. Arutjunova N.D. Sub#ekt // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990.

2. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 1. M., 2003.

3. Bogatyrev P.G., Jakobson R.O. Fol'klor kak osobaja forma tvorcestva // Bogatyrev P.G. Voprosy narodnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1971. S. 369–383.

4. Vinogradova L.N. Teksty narodnoj kul'tury, nadelennye interpretirujushhej funkciej (motivirovki ritual'nogo povedenija, tolkovanija gadanij i snov, mifologicheskaja traktovka znakovyh sobytij) // Slavjanskij al'manah 2016. Vyp. 1–2. M.: Indrik, 2016. S. 307–321.

5. Zav'jalova E.E. Primety kak fol'klornyj zhanr: opyt sistematizacii // Problemy filologii i iskusstvovznanija. 2013. № 2. S. 187–193.

6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka. M., 2004.

7. Kul'kova M.A. Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoj primety: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan', 2011.

8. Levkievskaja E.E. Sub#ektnye i predikativnye formy naimenovanija mifologicheskogo personazha (na primere predstavlenij o «strahah») // InUmbra. Demonologija kak semioticheskaja sistema. M.: Indrik, 2015. Vyp. 4. S. 228–246.

9. Nikitina S.E. Ustnaja narodnaja kul'tura i jazykovoe soznanie. M., 1993.

10. Potebnja A.A. Teoreticheskaja pojetika. M.: Vyssh. shk., 1990.

11. Sadova T.S. Narodnaja primeta kak tekst i problema lingvistiki fol'klornogo teksta: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2004.

12. Tolstaja S.M. Obraz mira v tekste i rituale. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2015.

13. Chervinskij P.P. Semanticheskij jazyk fol'klornoj tradicii. Repr. vosproizvedenie izd. 1989 g. Ternopol': Krok, 2011.

14. Chervaneva V.A. Kak pokojnik «hodit»? Iz nabljudenij nad leksikoj fizicheskogo vosprijatija v mifologicheskoi tekste // InUmbra. Demonologija kak semioticheskaja sistema. M.: Indrik, 2014. Vyp. 3. S. 315–339.

Spisok istochnikov

Timofeev. MJe – Materialy mezhdunarodnyh studencheskih fol'klorno-jetnograficheskij jekspedicij Doneckogo nacional'nogo universiteta na Verhnij Don (Volgogradskaja i Rostovskaja oblasti: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 gg.): monogr. / pod obshhej red. P.T. Timofeeva. Doneck, 2013.

MJe – Materialy mezhdunarodnyh studencheskih fol'klorno-jetnograficheskij jekspedicij Doneckogo nacional'nogo universiteta na Verhnij Don po teme «Sueverija i primety». Doneck: DonNU, 2017.

Text forming property of a subject in signs, superstitions, beliefs of the Upper Don region (based on the materials of the international folklore and ethnographic expeditions of DonNU to the Upper Don region)

The actualization of the signs, superstitions, beliefs of the Upper Don is associated with the category of subjectivity as text forming and text organizing. Various manifestations of the subject in texts is under consideration (the subject of the action / the object of monitoring and narrator). Special attention is paid to the differentiating property of the category of subjectivity.

Key words: *subject, sign, superstition, belief, Upper Don.*

(Статья поступила в редакцию 09.11.2017)

О.В. КАЗАЧЕНКО, Е.А. КАРТУШИНА
(Москва)

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ЦЕННОСТИ МАТЕРИ И МАТЕРИНСТВА В МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ

Всесторонне рассматривается образ матери и материнства в анимационных фильмах. Описаны вербальные и невербальные средства актуализации этих ценностей, подвергающихся трансформации вследствие появления новых героев и образцов поведения в детской телеиндустрии. Формирующийся образ мира ребенка включает сконструированные ценности, которые составят его личностную и впоследствии коллективную аксиосферу.

Ключевые слова: *ценность, образ, образ мира, мать, материнство, аксиосфера.*

Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя!

Отто фон Бисмарк

Окружающее человека с самого его рождения пространство, состоящее из эклектики образов, слов, информации, впечатлений и других факторов, формирует предпочтения, пове-

дение, идеалы и в конечном итоге ценности. Помимо этих безусловно важных пространств, на наш взгляд, существует еще одна формация – информационное пространство, охватывающее все вышеперечисленные зоны, поскольку на всех этих уровнях идет процесс коммуникации, т.е. обмен информацией. Некоторые ученые склонны считать, что современная цивилизация является информационной, которая, в отличие от предыдущей индустриальной, характеризуется наличием власти у тех, кто владеет источниками информации, а также новыми технологиями (Д. Бэлл, Э. Тоффлер, А. Турен).

Информационным пространством как научной проблемой занимались представители как технических, так и гуманитарных наук, что и отразилось в их понимании данного термина. Так, специалисты в области информационных технологий рассматривают «глобальное информационное пространство как совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [5], относя к информационным ресурсам текстовые документы, картинки, видео. Гуманитарный подход подчеркивает значимость «образов, знаков, концептов, текстов, документов» [6, с. 26], переплетение элементов которых формирует образ мира.

Говоря об образе мира, мы имеем в виду трактовку данного понятия А.Н. Леонтьева, предложенную им в одноименном труде в 1983 г., в котором утверждается существование «пятого квазиизмерения» (наряду с длиной, шириной, высотой и временем) при восприятии объективного мира. Образ мира – динамичное и многоуровневое образование. А.А. Леонтьев, продолживший изучать данную проблему, предлагал различать 1) инвариант образа мира, в основе которого лежат «опоры» – значения, единые как для всего этноса, так и для определенной социально-культурной группы, 2) вариант образа мира – «индивидуально-личностное “видение” мира конкретным человеком через призму личностных смыслов, установок и других компонентов структуры личности» [8, с. 105]. И.А. Бубнова называет вариант образа мира индивидуальным «образом мира», где за «каждым словом и каждой вещью стоят смыслы, обуслов-